

НОВОЕ БУДУЩЕЕ

СОСТАВИТЕЛЬ
СЕРГЕЙ
ШИКАРЕВ

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44
Н74

Н74 **Новое** Будущее / составитель Сергей Шикарев. —
Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-172772-7

Мир меняется — будущее, которое досталось нам по наследству, списано в утиль. Завтра человечество — и каждый из нас — столкнется с новыми вызовами. «Новое будущее» — сборник рассказов известных писателей и молодых авторов. Тринадцать новых историй демонстрируют разные грани мира будущего: другие планеты и глубины даркнета, трагедии и юмор, большие идеи и необычные сюжеты. О том, как мы будем любить и работать, радоваться, страдать, искать утешение и наслаждение. О том, как мы будем жить, какими станем и куда приведем человечество. Добро пожаловать в «Новое будущее»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Березин В.С., Хлебников А.Н., Брейнингер О.А.,
Гаёхо М.П., Джафаров Р.Э., Куприянов К.А.,
Идиатуллин Ш.Ш., Сальников А.Б.,
Овчинников О.В., Белобров-Попов,
Дробышев Д.А., Жигарев С.А., Веркин Э.Н.,
текст, 2023
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172772-7

Содержание

От составителя 7

Владимир Березин. Раскладка 15

Артем Хлебников. Хотя этого никогда не было 39

Ольга Брейнингер. Тихий дом 61

Михаил Гаёхо. Анна 85

Рагим Джафаров. Освобождение 105

Константин Куприянов. День Рэндала 133

Шамиль Идиатуллин. Это наша работа 171

Алексей Сальников. Субчик 197

Олег Овчинников. Токс 213

Белобров-Попов. Мусор на Луне 245

Денис Дробышев. Будь ты проклят, Марс! 267

Сергей Жигарев. На грани 287

Эдуард Веркин. Крылья 311

От составителя

Прежнего будущего больше нет.

Мир меняется, и когда-то яркие образы грядущего, нарисованные мыслителями и мечтателями в двадцатом веке, тускнеют и растворяются во времени. Некоторые черты этих фантазий о будущем уже стали частью нашей повседневной жизни. Интернет как средство развлечения и как неисчерпаемое хранилище знаний, сервисы и средства, позволяющие общаться собеседникам в разных уголках мира, голосовые помощники и беспилотные автомобили давно шагнули со страниц фантастических книг в наш мир. Другие — например, колонизация и промышленное освоение планет Солнечной системы или развитие способностей человека — отошли на второй план, оказались отложены или не востребованы, а то и вовсе нереализуемы.

Сегодня перед человечеством — и перед каждым человеком тоже — стоят новые вызовы. Изменение климата грозит обернуться экологическими катастрофами и усилением миграционных потоков. Волна глобализации — не первая в истории — отступает, формируя новые союзы и переформатируя пресловутые «цепочки поставок». «Вечный мир», о котором писал Иммануил Кант, остается прекраснодушной мечтой, более того, возрастают риски применения ядерного оружия, способ-

ного и вовсе уничтожить человеческую цивилизацию, какой мы ее знаем.

Грандиозные изменения происходят и в технологической сфере. Автоматизация грозит уничтожить тысячи и тысячи рабочих мест, а большую часть оставшихся трансформировать. Системы наблюдения за поведением человека в физическом и виртуальном пространствах вкупе с технологиями big data создают удобный инструмент как для социального контроля, так и для модификации индивидуального поведения человека. И экономисты говорят о наступлении эпохи «надзорного капитализма», извлекающего прибыль из человеческого опыта.

Характер ответов на эти и другие вызовы определит будущее всего человечества.

Вселяет надежду то обстоятельство, что сталкиваться со столь тотальными изменениями миропорядка нам, землянам, не впервой.

Чуть больше ста лет назад, уже после мировой войны (порядковым номером та обзаведется позднее) и пандемии испанского гриппа, поэт Уильям Батлер Йейтс, описывая свои ощущения от происходящего, констатировал: *Things fall apart; the centre cannot hold* (в переводе Григория Кружкова — «Все рушится, основа расшаталась»).

Примечательно, что опасный момент крушения или — будем оптимистами — перестройки мироздания предоставляет смельчакам отличную возможность заглянуть в расширяющуюся трещину мироздания, откуда уже сквозит холодным экзистенциальным ветерком, и попытаться разглядеть, предугадать, спроектировать, каким будет новое и непременно дивное будущее.

Действительно, начало двадцатого века ознаменовалось появлением целой плеяды произведений, посвященных будущему человеческой цивилизации. Стоит вспомнить, к примеру, роман «Мы» Евгения Замятина, открывший парад антиутопий двадцатого века. В эти же

годы случился настоящий бум американских журналов фантастики, манящих читателей прекрасными образами грядущего, запечатленными на дешевой бумаге (тот самый pulp fiction, позднее воспетый Тарантино). Именно жанр фантастики, один из ключевых вопросов которого — «что, если», — создал профессиональный инструментарий для разработки различных сценариев развития человечества.

И машины по производству будущего заработали на полную мощность.

Однако затем происходящие изменения — в первую очередь, технологические — оказали воздействие и на фантастический жанр. Скорость этих изменений привела к возникновению эффекта джетлага — запаздывания сюжетов и тем фантастических произведений от быстро меняющейся реальности. Что говорить, если даже амбассадор грядущего, лидер киберпанков Уильям Гибсон свел к минимуму дозировку фантастического в своих книгах, и сегодня его романы нулевых лет читаются как махровый капиталистический реализм.

Оказалось, что будущее не только неравномерно распределено, но и становится настоящим быстрее, чем идеи фантастов воплощаются в увесистых книжных томиках.

Дело, однако, не только в скорости изменений. Будущее и его устройство как предмет размышлений из фантастики практически исчезли, и на месте заводов по производству будущего появился парк развлекательных аттракционов.

Классические же темы фантастики двадцатого века: колонизация далеких планет и звездных систем, космические путешествия и путешествия во времени, контакты с инопланетными расами — стали лишь грезами, доставшимися нам по наследству.

И все же необходимость искать ответы на актуальные, а не унаследованные из прошлого вопросы остается.

Фантастика как жанр пусть не в прежних, промышленных масштабах, а, развивая метафору, силами скромных мануфактур и отдельных ремесленников продолжает содержательный разговор о будущем.

К сожалению, положение дел в родных пенатах не дает повода для оптимизма. На книжных полках и в сетевых библиотеках господствуют фантомная фантастика, порожденная давно отжившими представлениями о будущем, и опусы о многочисленных попаданиях отсюда туда, занятых перестройкой прошлого сообразно собственным идеологическим предпочтениям.

Пожалуй, единственный сценарий будущего, отработанный в отечественной фантастике на отлично, это сценарий апокалиптический. Русская череда апокалипсисов одновременно и примечательна, и досадна.

Идея этого сборника родилась у меня как ответ на стремление, даже необходимость обратиться к темам, которые волнуют каждого из нас. В наше «непростое время» размышления над этими вопросами представляются мне особенно важными, хотя ветерок из трещин мироздания по-прежнему холоден и даже крепчает. И все же, как сказал другой поэт уже на исходе двадцатого века, *There is a crack in everything. That's how the light gets in* («Все расколото, и в трещины прольется свет»).

Каким будет будущее?

Как мы и наши потомки будем жить, работать, любить? Что будет важным? Что изменится, а что останется прежним?

Писателей, задающихся теми же вопросами, на самом деле немало.

Уже много лет я как идеолог и сооснователь, вместе с моим другом и коллегой Василием Владимирским, занимаюсь литературной премией «Новые Горизонты» («самой фантастической среди литературных и самой литературной среди фантастических»). Статут премии, которая вручается за художественное произведение фан-

тастического жанра, оригинальное по тематике, образам и стилю, гласит, что ее цель — отметить тексты и поощрить авторов, которые расширяют границы жанра и исследуют территории за пределами традиционных литературных полей. И год за годом на протяжении десяти премиальных сезонов в номинационные списки «Новых Горизонтов» входят произведения, открывающие читателю различные образы будущего.

Большинство авторов сборника как раз из числа номинантов и победителей «Новых Горизонтов» (остальным, верю, попасть в номинационные списки еще предстоит). Представленные писателями варианты грядущего актуальны, обращены к современным вызовам и реалиям завтрашнего дня. Эти произведения напоминают, что известная аббревиатура SF расшифровывается и как *speculative fiction*, литература размышлений.

Задуматься пытливому читателю предлагается, в том числе над следующим.

Что значит историческая память и как ей можно манипулировать?

Может ли человек отучиться думать и привыкнуть подчиняться?

Как решить проблему гигантских мусорных свалок?

Стоит ли и зачем колонизировать Марс?

Как изменит наши представления о пространстве и времени следующая научная революция?

Авторы предлагают свои ответы на эти и другие вопросы. Рассказы сборника весьма различны и по темам, и по настроению, и по масштабу: юмористические и трагичные, камерные и глобальные... Кто из писателей окажется точнее и прозорливее в описании будущего, а кто, по известной формуле Брэдбери, сможет его предотвратить, мы — или наши потомки — непременно узнаем.

Добро пожаловать в новое будущее!

Сергей Шикарев

生

Владимир Березин

РАСКЛАДКА

В Талмуде есть поразительное утверждение: «Чем больше людей, тем больше образов божественного в мире». Возможно, так оно было во времена, когда было высказано это замечание, которое ныне опровергается всем, что мы видим, и будет опровергаться еще больше тем, что мы увидим в будущем.

Эмиль Чоран

Огромное здание гимназии, нет — Гимназии, стояло на берегу реки, обнимавшей город. Был поздний вечер, и на том берегу сиял в морозных огнях гигантский стадион, а тут царил тихий зимний сумрак. Трое — два мальчика и девочка — выкатились на крыльцо, как три веселых колобка. Двор школы освещался тусклыми огнями, и когда охранник закрыл за ними дверь, они резво побежали прочь — за ограду, натопанной в свежем снегу дорожкой через парк, домой, где не до уроков, а сразу спать. Уроки подождут, ведь сегодня они репетировали выступление на очередном гимназическом празднике. Им это зачтется, потому что Гимназия помнит о каждом праведном деле, а праздники в ней — каждый месяц.

Никто не встретился друзьям во дворе в эту морозную ночь, только грозно смотрели в спину мертвые глазницы окон мрачного и пафосного здания.

Сто восемьдесят окон были темны, но через десять часов они вспыхнут, и родная Гимназия вновь примет их, словно кит — пророка Иону, примет, как принимала каждый день с сентября по май, а то и июнь, когда у них оставались летние дела в классах.

Гимназия ощущалась больше, чем домом, она была жизнью, где каждый день происходило что-то интересное.

Родители много работали, жизнь их, казалось, посвящалась зарабатыванию денег — ну и тому, чтобы оплатить учебный год и отроческую возможность писать стилусом по электронным доскам, учить латынь, ездить на экскурсии по Байкалу, решать уравнения и до хрипоты спорить, чем Ленский отличается от Онегина, был ли на самом деле безобразен Сократ и когда основан орден иезуитов.

Когда сверстники спрашивали их, где те учатся, профанам отвечали просто «в Гимназии», и сразу все становилось понятно. Гимназия, несмотря на то что имела номер и имя, оставалась одна — и называлась просто «Гимназия». Вот так, с заглавной буквы, будто «Город», потому что, понятно, так звали Рим. Так и было написано на стене в рекреации: «*Si fueris Romae, Romano vivito more; si fueris alibi, vivito sicut ibi*». Так они и поступали, даже окончив курс, приходя потом в это здание — успешными и гладкими, как картинки в журналах, состарившись, приползая на встречи одноклассников.

А Гимназия огромным кораблем плыла над рекой, и все знали, что она будет плыть вечно, потому что другой Гимназии не быть.

Володя играл в ансамбле. Чаще всего они репетировали в маленькой комнате за актовым залом, где были сложены ненужные афиши и раритетные ком-

пьютеры «Калькулон» с выпотрошенной начинкой. Из стены торчала часть труб и механизмов древнего органа, лицевая сторона которого смотрела в актальный зал. Легенда гласила, что в Россию орган привезли немцы для своей церкви, но с церковью что-то не заладилось, и орган попал в крематорий, а когда старый крематорий закрыли, то орган попал в Гимназию. Детям всегда нравятся страшные истории, поэтому, как ни убеждали их учителя, что перед ними другой орган, иные трубы и меха, все было попусту. Впрочем, некоторые из учителей сами верили, что орган перевидал множество покойников.

Сегодня репетиция закончилась позже обычного, и Володя вывалился в темноту, жадно ловя ртом морозный воздух.

Друзья убежали вперед, но догонять их не хотелось, он медленно вышел за ограду и побрел домой.

Гимназический ансамбль назывался «Юность». Володин друг Петя стал соло-гитаристом, и зависть Володи к такому первенству омрачала их дружбу. Впрочем, об этом никто не догадывался, в том числе и сам Володя, который сидел на ударных. Их одноклассница Оля играла на ионике. Такая случилась раскладка в их компании.

В ансамбле присутствовала и своя звезда — Лена Тальберг, которая училась классом младше. Лена была солисткой, и когда она шла по коридорам Гимназии, даже учителя оборачивались на ее проход, вернее, движение ветра, которым он казался.

Лена воспринималась многими как странное существо, Володя и вовсе не до конца мог признать ее девочкой. Скорее, эльфом, принятым в Гимназию по ошибке.

Как-то после репетиции, когда они задержались, собирая вещи, и остались на минуту вдвоем, Лена вдруг спросила:

— У меня красивые ноги? Мне кажется, они ужасные.

Она чуть приподняла край платья, и Володя нервно сглотнул. В этот момент он понял, что она не кокет-

ничает. Вопрос был естественен, и так бы она спросила врача о давно беспокоившем прыщике.

Он замычал, но Лена уже упорхнула из крохотной комнатки за актовым залом, где они репетировали.

В самые ответственные моменты к ним присоединялся учитель музыки по кличке Баян. Баян, впрочем, помимо классных занятий, исполнял обязанности органиста. Но орган звучал в Гимназии не так часто, а любовь учителя музыки принадлежала аккордеону. Баян, разумеется, не аккордеон, но когда гимназистов заботила точность определений?

Что до учителя музыки, он вообще слыл довольно любвеобильным. Подозревали, к примеру, что у него роман с географичкой. Да, в общем, подозревали, что со всеми. За исключением романа с латинисткой. Латинистка была особым случаем. Ее побаивался даже директор.

Володя неслышно открыл дверь и сразу понял, что у них гости. В прихожей висела черная форменная суканна.

Он появился на кухне, еще не переменяв гимназическую форму на домашнее платье. Все, кто был там, посмотрели на Володю, будто он участвовал в какой-то пьесе и вот наконец появился на сцене. Гостя Володя знал, это был Виктор Степанович, одноклассник отца, служивший в Московском управлении Святой Инквизиции.

Виктор Степанович смотрел на него добродушно, но цепко. Володя вдруг подумал, что так их кот Барсик смотрел на мышшь-полевку, которую поймал на даче. Гость переключил внимание на Володю и, узнав, отчего тот задержался, быстро спросил:

- А что вы играете?
- Итальянский рок.
- Почему итальянский?
- Он более мелодичен, — заученно ответил Володя.

Эта фраза, как говорится, отскакивала у него от зубов, потому что он сотню раз отвечал на этот вопрос. Впрочем, иногда Володя думал, что все вышло случайно — из-за того, что у Гимназии налажены связи с такой же знаменитой школой в Риме, и каждый год ученики ездили туда по обмену. В гимназическом сквере стояла статуя Пия XIII, при котором две школы стали побратимами («Вот неловкое слово, — Володя незаметно поморщился. — Какие еще побратимы. Сестримы, дружбаны. Фу, гадость, надо было придумать что-то другое, но я не знаю, что»).

В актовом зале школы, за которым они репетировали, висел большой портрет нынешнего папы. Иоанн Павел IV, лукавый бритый старичок, добродушно смотрел на портрет князя Владимира. Князь выглядел суровым, борода его казалась бородой воина, а не святого.

Изображен князь в момент выбора вер, и перед ним как раз стоял посланец Престола. Булгары в меховых шапках униженно жались к стене, хазары злобно смотрели исподлобья, а послы Византии разочарованно разводили руками.

Согласно «Повести переменных лет», в 986 году эти послы прибыли к князю Владимиру с заманчивыми предложениями, но обряды их оказались пышны, а слова заносчивы. Они тянули Русь к традиции Востока, а прозорливый Владимир уже смотрел в другую сторону. Мудрый князь отослал их, сказав им: «Идите, откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого».

За ними пришли посланцы от волжских булгар, что расписывали прелести ислама. Но князю нравился хмельной мед, и он отверг приглашение. На уроках истории рассказывали, что это только повод, и все дело заключалось в экономике и соотношении производительных сил, но фраза, сказанная тогда, осталась навечно. Володе она нравилась, хотя он только раз пробовал вино. Но история всегда поэтична: мед, веселие, Русь. Идите прочь, нам так не надо.

На огонек заглянули хазарские иудеи, те, что на картине выглядели смешными и скрюченными. Но Хазария была разгромлена, народ расплзался по миру, как погорельцы. И Владимир помнил, как его отец Святослав громил их. «Где живете вы?» — спросил князь, и хазары отвечали ему, что везде и нигде. И тогда князь сочувственно покачал головой, потому что всякому народу дается по вере его.

И вот пришли римляне и говорили с князем о европейском единстве. За ними стояли века истории. «Сколько у Папы войска?» — спросил князь, и посланцы отвечали, что несметные полчища на небесах — вот воинство Папы. В этот момент Володя воображал князя, что представил себе всех римских солдат с их мечами-гладиями, всадников, копейщиков, боевые баллисты и вообще все накопленное — но среди облаков. В довершение ко всему посланцы Святого Престола сказали, что у них пост по силе: «Если кто пьет или ест, то все во славу Божию». Ответ послов удовлетворил князя, и он крестился по римскому обряду.

В соответствующей главе учебника обнаруживался аккуратный оборот, но всем было понятно, что согласных Владимир крестил в теплой летней воде близлежащей реки, а несогласных — огнем. От соединения двух стихий несогласные быстро перевелись.

Объединенная Европа билась с восточным нашествием. В едином строю стояли русские богатыри и ливонские рыцари, когда монгольские всадники на своих мохноногих лошадках сотнями валились под лед Чудского озера. Оттого в актовом зале Гимназии висел еще один портрет — святого рыцаря Александра Невского.

Русичи веками охраняли Европу от желтой опасности. Сама Русь служила перевалочной базой для Крестовых походов, и только благодаря нам Иерусалимское королевство существует и поныне.

Соотечественники слыли крепкими в вере — вплоть до того дня, когда в Виттенберге (второе название

Витебска) появился никому не известный неистовый пресвитер. Он быстро нашел себе паству, мучил народ и ускользал от преследований. Лютеров, или, как его сразу прозвали, Лютый, конфликтовал с Иваном IV, писал ему ругательные письма, а царь отвечал ему тем же слогом. В конце концов неистовый пресвитер прибил к дверям Владимирского собора «95 тезисов в защиту Новгородцев», после чего его радостно сожгли на костре в Белой даче.

Но все это только подтверждало правильность давнего выбора, ибо если вера не встречает внутреннего врага, то она выдумана самим Дьяволом.

— Куда хочешь поступать? — спросил Володю человек в полевой форме Святой Инквизиции.

Вот запретный вопрос. На него нельзя отвечать честно — если скажешь: «Я хочу сочинять музыку», у отца заходят желваки на скулах, а мать просто отвернется. Нельзя отвечать правду, особенно при чужих.

Гость вдруг произнес:

— А может, к нам?

Мать нахмурилась, отец всплеснул руками.

Но Володя и тут нашелся:

— Надо подумать. Серьезное решение.

Такой ответ гостю понравился.

На этих словах Володя ушел к себе в комнату, чтобы дописать реферат о философии языка. Сдавать работу надлежало на следующей неделе, но сейчас текст выходил каким-то нелепым и требовал чужого мнения, как заплутавший в городе турист.

На следующий день Володя пришел к гимназическому ксендзу Козлевичу по поводу реферата. Сперва Козлевич слушал его весело, а потом, когда речь зашла об алфавитах и о том, что было на Руси до латиницы, вдруг отчего-то поскущел и сказал, что этого в реферате писать не надо, источники недостоверны и Володя будет потом стыдиться тех глупостей, которые понаписал.

Но Володя не унимался:

— Казимир Александрович, я вот что еще хотел спросить. Вот почему на могиле философа, о котором я пишу, такая странная надпись? «Мірь ловиль меня, но не поймалъ». Почему там только одна латинская буква, да и то, кажется, не латинская. Как бы ее правильно описать, откуда она, загадочная фраза, и как звучала на самом деле? Ну, чтобы не ошибиться...

Но мимо них вдруг пробежал пятиклассник, за ним второй — со шваброй. Этот второй кричал неистово: «Дамоклов, вот ваш меч!» — и стало не до разговоров о высоком. Тут же зазвонил звонок, и Козлевич замахал руками: беги, дескать, опоздаешь.

Можно спросить кого-нибудь еще. От мысли поговорить с Быковским Володя сразу отказался. Что-то про историю алфавита говорила латинистка, и Володя невесело задумался.

Преподавательницу латыни Володя опасался. Латинистка, красивая женщина лет тридцати, Володе казалась старухой, но все равно что-то в ней было такое, отчего у Володи становилось тревожно внутри. Совсем не так, как с Леночкой, а как-то более жестоко и неотвратимо.

Поэтому Володя постоял перед кабинетом латинистки, переминаясь с ноги на ногу, да и побрел на ненавистную физику.

Историк по прозвищу Верблюды велел им сделать презентацию «Отрок Варфоломей, или Крестовый поход детей». Чтобы сэкономить время, трое друзей остались в школе и отправились в свою каморку за орган.

Презентацию они сочинили быстро. Правда, отрок Варфоломей выходил похожим на Терминатора, да и дети на отфотошопленных картинках из Сети были больше похожи на головорезов, чем на хрупких юношей, отправлявшихся на юг без возврата, в свое страшное паломничество.

Петя с радостью покинул их и заторопился в раздевалку.